3. Проблема войны и апрельский кризис

В начале апреля проблема войны стала в центр политических дебатов. По мнению правительства, в котором П.Миллюков и А.Гучков отличались особой активностью, только победа могла укрепить связи нового режима и западных демократий, консолидировать общество и, может быть, положить конец революции. Уже 4 марта Миллюков направил, вопреки мнению Керенского, ноту дипломатическим представителям России за границей. Он выражал твердую решимость строго соблюдать международные обязательства старого режима и продолжать войну до победы. Для Миллюкова цели, преследуемые в войне новой Россией, ни в чем не отличались от целей царского правительства: на повестке дня оставалось завоевание Константинополя. Эта позиция вызывала сомнения у Совета. Продолжала ли война носить империалистический характер после свержения царизма? Нужно ли продолжать войну ценой «удушения революции»? Следует ли заключить мир с риском начала гражданской войны? После долгих дебатов согласие было достигнуто (14 марта) принятием «Воззвания к народам всего мира», в котором пацифистская утопия сочеталась с «революционным оборончеством». Совет призвал в нем народы «вести решительную борьбу против аннексионистских амбиций правительств всех воюющих стран». Совет настоятельно рекомендовал «пролетариям австро-германской коалиции и, прежде всего, германскому пролетариату» «сбросить с себя иго своего полусамодержавного порядка, подобно тому как русский народ стряхнул с себя царское самовластье». Пока не кончилась «ужасная бойня, омрачающая великие часы русской Свободы», говорилось в воззвании, русский народ «будет стойко защищать... свободу от всяких реакционных посягательств — как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой».

Вернувшись из ссылки, лидер меньшевиков Церетели настоял на том, чтобы Совет более точно определил свою позицию в пользу тех, кто отдавал приоритет борьбе

за мир, или тех, кто настаивал на защите революции. По его мнению, следовало одновременно продолжать войну, «сохраняя боеспособность армии для активных операций», и потребовать от правительства принять энергичные меры для заключения мира «без аннексий и контрибуций». 26 марта Церетели добился одобрения этой центристской позиции — борьба за мир и защита революции — значительным большинством Совета. Под давлением Совета Миллюков был вынужден согласиться с опубликованием ее в форме «Воззвания к народам России». По словам Миллюкова, этот документ, рассчитанный на «внутреннее потребление», не должен был повлечь за собой — что было бы неприемлемо, — никаких требований к союзным правительствам.

Обеспокоенные после обнародования «Воззвания к народам всего мира» боеспособностью русской армии, правительства решили войти в контакт с Временным правительством России через посредничество социалистов, на которых возлагалась задача возродить боевой дух нового режима. В Петроград отправились две делегации: «чрезвычайная посольская миссия» двух министров-социалистов (англичанина Хендерсона и француза Альбера Тома, которому было суждено сыграть важную роль в разрешении апрельского кризиса) и делегация западных социалистических лидеров (Муте, Кашен, Сандерс). Социалистическая делегация, приехавшая официально для того, чтобы приветствовать революцию от имени западных социалистов, была настороженно встречена Советом, который подозревал ее — и не без оснований — в желании добиться возобновления наступления в тот самый момент, когда с таким трудом была выработана формула мира «без аннексий и контрибуций». Западные социалисты на словах одобрили эту формулу, но сдержанно встретили предложение русских, согласно которому вопрос об Эльзас-Лотарингии и других объектах спора между воюющими сторонами следовало урегулировать путем референдума под международным контролем. Но ввиду того, что русские решительно отвергали идею сепаратного мира, Муте, Кашен и Сандерс в конечном счете установили прекрасные отношения со своими коллегами из Совета и даже были приглашены на Съезд солдатских комитетов Западного фронта, который проходил в Минске, чтобы поддержать представитель Советов и при необходимости «поднять дух» солдат.

Лозунги Совета о «мире без аннексий» и «революционном оборончестве» были горячо приняты делегатами этого съезда, показавшего, что командование (и в большой степени правительство) потеряли всякий авторитет у войск. Исполненные твердой решимости добиться выполнения Приказа № 1 (к которому добавился в связи с настойчивыми просьбами офицеров Приказ № 2, ограничивший компетенции солдатских комитетов), солдаты ежедневно сталкивались с непримиримостью офицеров, не желавших никакой демократизации армии, никакой либерализации военных институтов и решительно настроенных на ведение войны до победного конца. В глазах солдат Приказ № 1 никоим образом не означал, вопреки утверждениям командования и военного министра Гучкова, «смерти армии» или «отрицания всякой дисциплины». Солдаты были готовы воевать — в тот момент они еще полностью доверяли Совету, — но отказывались терпеть систематические унижения. В том, что солдат понял существование связи между проблемами дисциплины, предназначением армии в обществе, эксплуатацией патриотического чувства и продолжением войны в целях, которые могли обернуться против революции и интересов солдата-крестьянина (или рабочего), солдата-гражданина, меньшую роль сыграла большевистская пропаганда, чем поведение офицеров. Действительно, большинство солдат впервые услышали слово «большевик» из уст офицеров, называвших «большевиком» любого солдата, отказывавшегося повиноваться приказу, желая дискредитировать таким образом партию Ленина, но добиваясь обратного эффекта.

Именно в этой напряженной обстановке разразился апрельский кризис. 18 апреля Миллюков направил союзным державам ноту с изложением целей России в войне. Этот документ напоминал, что Временное правительство будет скрупулезно выполнять обязательства, взятые на себя старым режимом по отношению к союзникам. Но в нем не было ни слова о стремлении Совета, выраженном в воззвании от 27 марта, к миру «без аннексий и контрибуций». Это вызвало настоящий шок у общественности страны. Многие сочли, что имела место провокация с целью столкнуть лбами Совет и верховное главнокомандование.

Керенский пригрозил уйти в отставку. В рабочих кругах сразу же развернулась широкая кампания сбора подписей за отставку Милюкова. По призыву большевиков и анархистов по улицам Петрограда прошли колонны демонстрантов с призывами «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!». Тем временем Совет по инициативе меньшевистских лидеров (Церетели, Чхеидзе и Скобелева) потребовал от Милюкова официального отречения от своей позиции, одновременно осудив демонстрацию и «обращение к массам» под тем предлогом, что Совет сам достаточно силен, чтобы без посторонней помощи заставить правительство отступить, и что обращение к «улице» могло только спровоцировать отпор реакционных сил. В тот же вечер правительство объявило действия Милюкова неправомочными. Совет, желавший сохранить равновесие двоевластия, воздержался от попыток развить свой успех. Обе стороны решили совместно искать выход, который удовлетворил бы Совет, не унижая Милюкова. Однако, не зная об этих демонстрациях и желая выразить свое мнение, жители рабочих окраин вышли на улицы. Большинство хотело поддержать Совет и заставить отступить правительство. Но большевики попытались придать большую «левизну» этому движению, добившись скандирования частью демонстрантов лозунгов, опубликованных накануне «Правдой»: «Временное правительство в отставку!», «Вся власть Советам!». Дойдя до богатых кварталов центра города, участники шествия столкнулись там с идущими навстречу колоннами студентов и офицеров. Присутствовавшие при этом войска командующего гарнизоном Корнилова отказались стрелять в демонстрантов и сообщили о случившемся Совету. Корнилов был смещен со своего поста, а очевидная провокация провалилась. События этого дня подняли авторитет Совета. Зайдя слишком далеко «влево», большевики переоценили свои силы. Ленин признал это через несколько дней («Уроки кризиса»). Тем не менее число его сторонников значительно увеличилось по сравнению с мартом.

Правительство официально заявило, что Россия не думает ни о каких аннексиях, и кризис, казалось, был разрешен. Но дело о «Ноте Милюкова» поставило под вопрос существование двоевластия. Теперь уже кадеты, как и большевики, попытались заставить правительство порвать с Советом, но князь Львов, выступивший в качестве арбитра, высказался в пользу сторонников «движения», желавших партнерства с Советом. Однако руководители последнего колебались относительно того, следует ли им взять на себя обязательства и разделить ответственность власти. Не помогли и уговоры Керенского — если уж по основному вопросу о целях войны правительство согласилось принять программу Совета, разве не пришло время сформировать коалиционное правительство, более приспособленное для сопротивления поднимающемуся экстремизму? 28 апреля после продолжительных дебатов Исполком Совета отклонил минимальным большинством голосов (24 против, 22 за и 8 воздержавшихся) участие в правительстве.

Тем временем Гучков, считая, что потерял всякий авторитет у армии, подал в отставку. Под давлением многочисленных петиций, большинство которых исходило от солдат столичного гарнизона, призывавших Совет принять участие в правительстве, и учитывая вновь возросшую активность окраин, меньшевики, руководимые Чхеидзе и Церетели, объявили о своей поддержке идеи коалиционного правительства. На этот раз за участие в нем высказалось значительное большинство Совета (44 за, 19 против). Против голосовали только некоторые левые эсеры и все большевики. «Участие» в правительстве очень напоминало сделку, в которой все старались обмануть друг друга: умеренные рассчитывали привязать «участием» социалистов, заставить разделить правительственную ответственность и ответственность за продолжение войны, пользуясь одновременно их влиянием на массы; социалисты надеялись добиться реформ и прекращения боевых действий, провалив в то же время контрреволюционные планы.

Переговоры о создании коалиционного правительства были проведены в два приема по сценарию министерского кризиса парламентского типа: дискуссия о программе; торг вокруг формирования кабинета. Дан и Церетели подготовили программу Совета, отдававшую приоритет внешней политике за счет всех других важных вопросов (аграрная реформа, защита прав трудящихся, статус национальных меньшинств). Для решения проблемы войны меньшевики предлагали в соответствии со своей программой одновременно предпринимать усилия для заключения мира без аннексий и

контрибуций, основанного на принципе права наций на самоопределение, укреплять боеспособность армии, а также провести ее демократизацию. На заседании Совета значительным большинством голосов эта программа была с энтузиазмом принята. Против выступили только большевики и несколько анархистов.

Князь Львов остался председателем нового Совета министров, в котором умеренные (кадеты) сохранили семь портфелей, а социалисты получили шесть. Благодаря своему политическому весу в кабинете главенствовали три лидера «демократии»: Церетели (министр связи), Чернов (министр сельского хозяйства) и Керенский (военный министр и министр военно-морского флота). Вхождение в правительство многих министров-социалистов ставило под вопрос сам принцип двоевластия. Собственно, участие Керенского в правительстве со 2 марта явилось первым нарушением этого принципа, так как лидер трудовиков был одновременно товарищем председателя Исполкома Совета. Во время апрельского кризиса водораздел, обозначившийся в кабинете министров, не противопоставил Керенского, «заложника демократии», другим членам правительства. Он разделил Милюкова и Гучкова, сторонников «сопротивления», с одной стороны, и, с другой — остальных министров, приверженцев «движения». Действительно, водоразделы и политические границы не проходили больше, как в самые первые дни революции, строго между Советом и правительством. Их число увеличивалось по мере того, как формулировались требования одних и других и оформлялись автономные центры альтернативной власти — Советы, организации, всякого рода комитеты, — которые создавались теми, кто считал, что деятели, выдвинутые Февральской революцией, перестали прислушиваться к их желаниям.

«Примиренчество» возобладало в тот момент, когда обострились конфликты между теми, кто слева и справа критиковал всякую политику «классового сотрудничества». Большевики, предсказывавшие развал коалиции, кадеты, подталкивавшие предпринимательские круги к сопротивлению, и в особенности рабочие, объединившиеся в заводских комитетах, крестьяне, начавшие захватывать помещичьи земли, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, инородцы, заявлявшие о своей воле к независимости, — все были полны решимости действовать, не принимая во внимание призывы к умеренности «примиренцев», которые считали, что для достижения успеха им требуется время.